

1

Снег шел всю ночь. Королевство Краеугольного Камня проснулось, укрытое белой пеленой, похожее на чистый лист еще не написанной книги. Звуки приглушены, птицы зарылись клювами в перья, море плоское, а небо ясное. Эма спала. Рядом с ней в королевской опочивальне ворочался до рассвета с боку на бок Тибо. Вчера Эма незаметно для всех ушла в метель его искать. Все остальные по-прежнему считали Тибо пленником Гиблого леса, где он загадочным образом исчез четыре дня тому назад. Все так считали, кроме королевы Сидры. Сидре Эма дала страшную клятву: в обмен на освобождение Тибо она отдаст ей принцессу, которую родит весной.

Овид с вечера стоял на посту перед покоями Эмы. Он не знал про тайный ход в гардеробной, через который она ускользнула, и не подозревал, что сторожит пустую комнату. Дворец уже пробудился, а королева все не подавала признаков жизни, и Овид решил, что она позволила себе понежиться в постели. Время шло, и предположение

становилось все менее вероятным. В конце концов Мадлен, горничная Эмы, убедила Овида постучаться в дверь. Ответа не последовало. Тогда он решился и осторожно, на цыпочках своих огромных ножищ, заглянул внутрь. Королевы не было.

Овида охватил ужас.

— Лукас! Королева пропала! — закричал он, врываясь в соседнюю комнату.

Лукас приподнялся на локте, протирая глаза.

— Чего?

— Королева! Пропала, говорю!

Лукас спрыгнул с кровати, натянул штаны и забегал по комнате, собирая волосы в хвост.

— Как же так, Овид? Ты ведь стоял на часах! Черт!

— Клянусь тебе, я не отходил ни на шаг! Глаз не сомкнул. Всю ночь свистел, чтобы не заснуть, клянусь! Мадлен надоело ждать, когда королева спросит завтрак, она прижалась ухом к двери, ничего не услышала, ну и заставила меня открыть. Еще бы! Чего там услышишь, когда в комнате никого. Никого! Королева улепетучилась!

— Улетучилась.

— Ну а я что говорю? Ты, Лукас, мне лучше ответь: она вообще хочет, чтобы мы ее охраняли, или как? Королева-то?

Овид обеими руками схватился за повязку. Он дорого заплатил за попытку (тщетную) отвоевать Тибо у Гиблого леса. Ему казалось, что камень, выбивший ему глаз, так и засел где-то в черепушке. Голова болела невыносимо.

— Успокойся, раздражаешь, — буркнул в ответ Лукас. — Никто не может просто улетучиться.

— И тем не менее гляди, — возразил Овид, открывая дверь. — Она улепе... ту... тут ее нет, в общем! Как думаешь, Лукас, это опять как-то связано с призраками? Просто я, ну, сам знаешь...

— Знаю, знаю.

Лукасу было не до фобий Овида. На его взгляд, «улетучивание» Эмы объяснялось просто. Он решительно пересек будуар и вошел в гардеробную. Вход в туннель был закрыт, но защелки болтались, и козетка стояла криво.

— Вот зараза! — процедил он сквозь зубы.

— Ты не о королеве, надеюсь? — удивился Овид.

— Да. Нет. Неважно.

Лукас сердито оттолкнул козетку ногой.

— Гляди, что ты наделал. — Овид с укором показал на царапины на полу.

— Не я первый.

— Что ты имеешь в виду?

— Ничего, Овид. Ничего. Я знаю, где она.

— Ты знаешь, где она?

— Нам нужен Манфред.

Лукас понял не только куда подевалась Эма, но и где она затем оказалась. Накануне он проводил ее до кабинета короля, где ей якобы надо было взглянуть на приготовленные для Совета документы. Должно быть, заодно она открыла там окно, чтобы потом сбежать.

Поскольку комнаты короля были в ведении камергера, Манфред захотел сам все осмотреть. Сперва он крадучись обошел весь кабинет, отметил стойкий запах мяты и жженой кожи, затем по лужицам талого снега проследовал до спальни.

Вопреки всем своим правилам он вошел без стука. И тут же выскочил обратно в крайнем потрясении и закрывая глаза рукой. Он узнал выющиеся волосы королевы и ее кофейную кожу. Но бородача, который обвивал ее исхудавшей рукой, — его он не узнал.

Измена?

В королевской спальне?

Подумать только! И он сам, собственной рукой отдал ключ неверной жене...

— Что такое, Манфред? — спросил Лукас.

Камергер вдохнул поглубже, втянув в себя чуть ли не весь воздух в комнате.

— Королева, — начал он сколько мог спокойным голосом, — находится в постели с неким... мужчиной.

— С чем?! — воскликнул Овид.

— Вы расслышали верно.

— С чем, с чем? — повторил Овид.

— Уж позвольте не вдаваться в подробности!

Тут за спиной Манфреда показалась наспех одетая Эма: ленты не завязаны, ноги босые. Она оглядела растерянные лица.

— Что случилось?

Никто из троих не смог вымолвить ни слова.

— Ах да, конечно. Простите. Я сбежала от своей охраны. Но никто не осудит меня за то, что я провела ночь с мужем.

Смущение на их лицах росло.

— Или я ошибаюсь?

— Госпожа... — начал было Манфред, но договорить не смог.

— Госпожа, — попытал счастья Лукас, — вы хотите сказать... с королем?

— Лукас! Сколько у меня, по-твоему, мужей?! — Эма пристально в них вгляделась. — По-моему, вы больны! Вам что, нехорошо?

— Позвольте, — вставил вдруг Манфред, не в силах больше терпеть.

Крупными мягкими шагами он приблизился к королеве, изобразил подобие поклона и ринулся в спальню.

— Король спит, — предупредила Эма.

Однако Манфред все же подошел к кровати, нагнулся к спящему и поспешно вышел. С торжественным лицом он объявил:

— Это король.

— Конечно король! — раздраженно сказала Эма.

— Но у него... такой вид...

— Неважный, да.

На самом деле возвращение Тибо еще не означало, что вернулся король. Тибо был в глубоком смятении. Всю ночь он боролся с кошмарами, горячкой, одеялами, то и дело вдруг вскакивая и пугая Эму своим испуганным взглядом.

— И потом... — Манфред изобразил десятью пальцами отросшую бороду. Любая растительность, не считая причесок, вызывала у него омерзение.

— Знаю, — сказала Эма.

— Вообще-то я советовал Бенуа брить его каждое утро.

— Бенуа так его выскоблил, что он думал, до смерти ничего не вырастет, — нервно хихикнул Овид.

— Когда? — уточнил Манфред.

— Утром в тот день, когда он пропал. Четыре дня назад.

— Борода — это ладно, — перебил их Лукас. — Мне вот, например, куда интереснее, как он вернулся. Ваше величество?..

— Он... — Эма замялась. — Он просто вернулся.

— Просто? Просто постучал вечером в дверь своего кабинета, а вы по невероятному стечению обстоятельств сидите там одна-одинешенька?!

— Поуважительней, пожалуйста, — одернул его Манфред.

— Допустим, когда его величество вернулся, я знакомилась в его кабинете с документами по одному делу для Совета, — солгала Эма.

Она ясно давала понять Лукасу, чтобы он не расспрашивал ее больше, но тот был слишком взбешен, чтобы отступить. Неизвестно, каким опасностям подвергала она себя, чтобы вызвать Тибо!

— А что король, госпожа? Как он объяснил свое возвращение?

— Никак, Лукас, — сказала она уже тверже. — Он в полной растерянности, его лихорадит, у него взгляд затравленного зверя, шрам в пол-лица, седая прядь и кошмары. Ему... нужна помощь.

— Доктор Фуфелье, доктор Плутитш. Тотчас их разыщу, госпожа, — кивнул Манфред, скользнул в дверь и беззвучно прикрыл ее за собой.

— Овид, — попросила Эма, — ты не мог бы сходить за Блезом де Френелем? Дяди его уже нет с нами, но... Скажем так, я доверяю ему больше, чем врачам.

— И еще, Овид, раз уж ты идешь с поручением, передай Мадлен, что мы нашли королеву, — прибавил Лукас. — У бедняжки, наверное, истерика.

Эма поняла упрек.

— И отдохни потом, Овид, — сказала она, как бы извиняясь. — У тебя усталый вид.

— Да, госпожа.

Овиду хотелось удалиться с грацией Манфреда, но дверь за ним громко хлопнула.

Оставшись наконец наедине с Эмой, Лукас взорвался:

— Это как понимать?! Мы, значит, шастаем по подземельям, пока телохранитель, как идиот, свистит всю ночь под дверь? Конечно, у него усталый вид, он же всю ночь глаз не сомкнул! Он ранен, он вымотан, у него голова раскалывается, но он держится на ногах, и ради чего? Чтобы защищать тебя, Эма, чтобы тебя защищать!

— Лукас...

— Мне что, объяснить, зачем тебе охрана?

— Хватит, Лукас, я...

— Ты, может, думаешь, я идиот? Посмотри на себя! Платье мокрое, руки красные, а ноги? Где твои туфли? Ты сбежала в самую бурю. Среди ночи, в бурю! — Он скрестил руки и посмотрел ей прямо в глаза. — Тебя эта Сидра отправила искать короля в одиночку?

За день до этого Лукас видел в будуаре Эмы Сидру, и ему пришлось оставить их наедине, так что он не знал, о чем они говорили. Но он готов был биться об заклад, что там, за закрытой дверью, решалась судьба Тибо.

Эма не подозревала, что Лукас умеет так злиться.

— «Эта Сидра»? Ох, Лукас... так-то ты говоришь о королевской особе, — сказала она, чтобы уйти от темы.

— Ее здесь нет, так что говорю как хочу. И уж не тебе, я думаю, учить меня протоколам, ваше королевское величество.

— Лукас, у меня не было выбора. Одной — или никак. Не проси меня объяснить. — Эма опустила голову. — Пожалуйста...

Лукас вздохнул. Злостью, конечно, ничего не добиться, но очень уж скверный все приняло оборот. Он не выносил мысли, что Эме что-то грозит.

— Могу я хоть чем-то помочь? — спросил он угрюмо. — Кроме как охранять пустую комнату?

— Можешь помочь натопить холодную, — ответила Эма, опускаясь перед камином на колени.

Какое-то время Лукас стоял не двигаясь. Эма чувствовала, что он еще злится у нее за спиной. В его злости было что-то обнадеживающее. Эма ничего не знала о дружбе и полагала, что только друг может так переживать за ее безопасность.

2

Блез де Френель заснул в траурной комнате, на подушке своего дяди Клемана, который трагически погиб на днях во время пожара в башне. Овид замер на пороге. Надо было разбудить Блеза, отвести его к королю, но Овид до дрожи боялся призраков. Пока он набирался решимости, время шло, и потому Блез оказался в королевских покоях значительно позже врачей.

Доктора уже обменивались своими соображениями. Фуфелье вещал, стоя у огромного письменного стола, за которым всегда мечтал посидеть. Он был невероятно худ, сутул, носил ненужный ему монокль, из-за которого был похож на точку с запятой. А вот Плутись позволил себе усесться в кресло на львиных лапах. Бедняга страдал от перхоти, а форма придворного врача, на его несчастье, была темно-синей; так что у него она была всегда будто припорошена снегом.

— Рана на лице серьезная, госпожа, — заметил Фуфелье. — Ее прежде осматривали?

— Я увидела ее после того, как он вернулся.

— Вот как, ваше величество? Но она даже зарубцевалась. Должно быть, еще по пути из Центральной провинции он получил удар по лицу веткой и...

— Вы всегда так торопитесь с выводами, доктор Фуфелье? — раздраженно перебила его Эма.

— Не будем вдаваться в детали, — примирительно вставил Плутитш, защищая коллегу. — Итак, госпожа, вы говорите, перед сном он был немного не в своей тарелке?

— Он был в растерянности, доктор. И очень слаб. А ночью его терзали кошмары.

— Лихорадка, — подытожил Фуфелье, который действительно всегда торопился с выводами.

— Или потрясение, — предположил Блез, который, проводя долгие годы в приюте для умалишенных, собаку съел на душевных расстройствах.

Фуфелье изобразил удивление, как будто не заметил Блеза сразу, затем поднял бровь, как бы говоря: «Вы совершенно некомпетентны в вопросах медицины». Монокль при этом чуть не упал на пол.

— Пустим кровь, — решил Плутитш.

Фуфелье воздел руки к небу. Он бы не удивился, окажись его коллега вампиром, с такой-то страстью к кровопусканиям. Но прежде, чем он успел возразить, в дверях показались новые посетители.

— Мы тут узнали... про короля, — пробормотал Феликс, чьи огромные ручищи покоились на плечах Лисандра, а тот пытался незаметно из них вывернуться.

— Вы *узнали*? — переспросил Манфред, преграждая им путь.

— Э-э... да все уже знают, на самом-то деле.

Раненые, лежавшие в бальной зале, слышали, что доктор Плутитш их оставляет, потому что спешит в королевскую спальню. Новость уже облетела дворец и неслась дальше, торопясь облететь и остров.

— Частная жизнь короля неприкосновенна! Уходите! — приказал Манфред, закрывая дверь.

— Это друзья, пусть войдут, — возразила Эма.

Феликс взглянул на камергера свысока и втолкнул Лисандра в комнату. Он так аккуратно причесал своего подопечного, что пробор был как меловая черта на черной доске. Лисандр только и ждал минуты, когда сможет ускользнуть из-под надзора и свести на нет его старания. Блез, с недавних пор наставник Лисандра, при виде его не мог не улыбнуться:

— Привет, Лисандр! Славный паричок.

— Как король? — спросил Феликс.

— Что ж... — начал Фуфелье с ученым видом.

— У него шок, — перебил его Блез. — У меня есть одна мысль, но не знаю, могу ли я осмелиться...

— Осмеливайтесь, осмеливайтесь, — подбодрила его Эма, прежде чем врачи успели открыть рот.

— Последствиям потрясения можно попробовать противопоставить другое, равноценное потрясение.

— Ну, знаете! — возмутились Плутитш и Фуфелье.

— Конечно, дело рискованное. Лечить подобное подобным — значит рисковать, пан или пропал. Но нередко это дает поразительные результаты.

Плутитш нервно стряхивал перхоть. Фуфелье поправлял монокль. Манфред покашливал.

— Терять нам особенно нечего, — заметила Эма.

— Но, ваше величество... — хотел возразить Фуфелье.

— Откровенно говоря, доктор, терять нам совершенно нечего, — отрезала Эма, поворачиваясь к нему спиной. — Пойдемте, господин де Френель.

Но они не сделали и трех шагов, как из комнаты явился король собственной персоной, совершенно голый, не считая горностаевой мантии на плечах. Потрясенный Манфред закрыл рот руками. Лукас тоже, но только чтобы сдержать хохот. Врачи из учтивости отвели глаза, а Феликс, напротив, их вытаращил.

— Король голый, — степенно заметил Лисандр.

— Си-и-ир! — возопил Манфред. — Ваши срамные места-а-а!

— Мне было холодно, — сказал Тибо, оправдываясь, и обвел всех пустым взглядом. Он никого не узнавал.

— Черт побери, хуже, чем Дорек... — прошептал Феликс, сложив на груди руки.

Диагноз довольно точный. Когда адмирал Дорек сошел с ума в Гиблой бухте, у него был такой же отсутствующий взгляд — распахнутое окно заброшенного дома.

— Пойдем, Тибо, пойдем, — сказала Эма ласково, взяла его за руку и отвела назад в спальню.

Там она обнаружила, что шкаф стоит нараспашку, а все его содержимое вывалено к изножью кровати. Возможно, Тибо выбрал мантию из-за мягкого меха, а может, потому, что ее было проще надеть. У Эмы не хватило духу забрать у Тибо мантию. Она помогла ему перелезть через гору одежды и усадила как есть в кресло перед камином. Блез

присел перед ним на колени. Выждал немного и заговорил очень медленно:

— Послушайте, ваше величество. Слушайте меня внимательно. Я должен сообщить вам нечто важное: Клеман де Френель умер.

Тибо с некоторой задержкой прищурился, стиснул зубы и замотал головой то влево, то вправо. Потом веки его отяжелели; он стал засыпать. Блез не дал ему этого сделать — он продолжил говорить очень громко:

— Ваш наставник погиб при пожаре. Его кабинет сгорел.

Голова Тибо снова закачалась, пальцы впились в подлокотники. Блез не только имел богатый опыт общения с душевнобольными, но и хорошо разбирался в ловле нахлыстом. Глядя на Тибо, он почувствовал: лосось готов клянуть.

— Кабинет де Френеля сгорел. Его нашли мертвым. Он задохнулся.

Тибо замер, потом расслабился. Его рука стала гладить горностаевый мех, глаза блуждали.

— Тибо? Тибо? — Блез тронул его за колено. — Послушайте, Тибо. Мне нужно, чтобы вы услышали. Эме нужно, чтобы вы услышали. Всему королевству нужно, чтобы вы услышали.

— Что? — нехотя отозвался Тибо, будто Блез мешал ему отдохнуть после обеда.

— Клеман де Френель умер. Погиб в огне. В своей обсерватории.

Блез снова и снова повторял одно и то же. Тибо всякий раз сначала судорожно напрягался, потом начинал засыпать. Но Блез знал подход к тем, чье сознание пострадало, и умел